

Пролог

Ферейба

Я с удовольствием смотрю на своих забывшихся сном детей, но мой беспокойный разум снова и снова вспоминает путь, который мы преодолели. Как я дошла сюда, как очутилась здесь с двумя из троих своих детей? Вот они, свернулись калачиками на грубом покрывале гостиничной кровати. Мы так далеко от дома и знакомых голосов...

В юности Европа виделась королевством высокой моды и утонченного вкуса. Ароматные кремы для тела, сшитая на заказ одежда, знаменитые университеты... Кабул восхищался светлолицыми империалистами по ту сторону Уральских гор. Мы завороженно смотрели на них и путали их утонченность с туземной экзотикой.

Розовые очки моего поколения разлетелись вдребезги вместе с Кабулом. Мы уже не видели европейских финтифлюшек. Мы собственных улиц не видели — слишком сгустился дым военных пожаров. К тому времени, когда мы с мужем решили бежать с нашей родины, весь шарм Европы сосредоточился в единственном и самом волнующем — мирной жизни.

Я уже не новобрачная. Не молодая женщина. Я мать. И я дальше от Кабула, чем когда бы то ни было. Мы с детьми прошли через горы и пустыни, пересекли воды, чтобы добраться до этого сырого гостиничного номера, отнюдь не изысканного и не благоухающего. Не таким я ожидала увидеть этот край. Хорошо, что все, чего я жаждала в наивной юности, уже не имеет для меня значения.

Все, что я вижу, слышу, все, чего я касаюсь, не принадлежит мне. Все здесь — чужбина, и все причиняет боль.

Мне хотелось бы, чтобы дети проснулись и отвлекли меня от этих мыслей, но я не смею их будить. Пусть отдыхают, я ведь знаю, как они измучились. Мы — маленькая загнанная стайка. Иногда у нас даже не хватает сил улыбаться друг другу.

Я хочу спать, но должна бодрствовать, прислушиваясь к лихорадочному биению крови в висках.

Я должна услышать уверенные шаги Салима в коридоре!

Мои запястья обнажены. У меня уже нет золотых браслетов, я больше не слышу их меланхолического перезвона. Я решила продать их. У нас осталось слишком мало денег, чтобы продержаться до конца пути. А до места назначения еще так далеко...

Салиму так хочется проявить себя! Он очень похож на отца, только не может понять этого своим юным сердцем. Он считает себя взрослым мужчиной, причем во многом из-за меня: слишком часто я позволяла ему думать, что так оно и есть. А он всего лишь мальчик, и безжалостный мир не упустит возможности напомнить ему об этом.

«Мадар-джан¹, я пойду. Мы никогда не доберемся до Англии, если будем прятаться в комнате каждый раз, когда нас охватывает страх».

Он сказал правду. Тогда я прикусила язык, но теперь в наказание за это мое сердце терзает боль. Пока не вернется мой сын, я буду сидеть, уставившись на мертвенно-блеклые стены, орнамент с якорями, потускневшие искусственные цветы. Буду ждать, пока стены не обрушатся, якоря не ударятся об пол, а цветы не превратятся в прах. Мне нужно, чтобы Салим вернулся!

Теперь я думаю о своем муже больше, чем в те дни, когда он был рядом. Как же мы глупы и неблагодарны в молодости!

¹ Мама, джан (ласковое обращение). (Здесь и далее примеч. пер.)

Я жду, что повернется дверная ручка. Жду, что мой сын войдет и скажет, что он смог сделать для нашей семьи то, что не удалось мне. Я бы многое отдала, лишь бы подвергнуться риску вместо него, но не могу ничего предложить в обмен на его наивное желание. Все, что у меня есть, передо мной: две невинные души, охваченные беспокойным сном.

Я напоминаю себе, что у меня еще остались эти двое детей. Бог даст, Салим вернется и наша семья снова будет полной — насколько это возможно. Настанет день, когда мы перестанем затравленно озираться, вздрагивать при виде полицейского и забываться чутким сном по чужим углам. Настанет день, когда у нас появится место, которое мы сможем назвать домом. Я увезу этих детей — детей своего мужа — так далеко, как только смогу. Я молюсь о том, чтобы мы нашли место, где в тишине их забывая удастся отдохнуть и мне.

Часть 1

Ферейба

1

В день, когда я родилась, мою судьбу скрепила кровавая печать. Пока я прорывалась в этот безумный мир, моя мать отрекалась от него. Вместе с ней ушла моя возможность по-настоящему стать дочерью. Пуповину перерезали, и больше нас с матерью ничто не связывало. С ее кожи сходили краски жизни, а моя розовела; ее дыхание замирало, а мой плач звучал все громче... Меня искупали, завернули в одеяло и вынесли показать отцу, который из-за меня овдовел. Кровь отхлынула от его лица, и он упал на колени. Как говорил мне сам падар-джан¹, ему понадобилось три дня, чтобы заставить себя взять на руки дочь, лишившую его жены. Не хотелось бы мне знать, какие мысли его посещали тогда, но могу себе представить. Я почти уверена, что, будь у него выбор, он предпочел бы мою мать, а не меня.

Мой отец старался изо всех сил, но не мог справиться с этой ношей. В его защиту я могу сказать, что те времена были нелегкими. Да что там, в любые времена подобная ноша тяжела! Падар-джан родился в семье местного уважаемого сановника. Горожане обращались к дедушке за советом, посредничеством или за деньгами. Мой баба-джан², сдержанный, волевой и проницательный, легко принимал решения и не отступал, если с ним спорили. Не знаю, всегда ли

¹ Отец.

² Дедушка.

дедушка был прав, но говорил он так убедительно, что никто в нем не сомневался.

Баба-джан с помощью удачной сделки вскоре после женитьбы получил большой участок земли, плоды которого обеспечивали пищу и кров многим поколениям нашей семьи. Моя биби-джан¹, умершая за два года до моего трагического появления на свет, родила дедушке четырех сыновей. Мой отец был младшим. Все четверо выросли, пользуясь хорошим положением, которое обеспечил дедушка. Наш род уважали в городе. Все мои дяди удачно женились, унаследовали часть земли и завели собственных детей.

Землей, а точнее садом, владел и мой отец. Он работал чиновником в нашем родном городе, Кабуле, шумной столице Афганистана, затерянной в глубинах Центральной Азии. Тогда география еще не играла для меня такой роли. Падарджан был бледной копией своего отца. Когда делали эту копию, на перо нажимали слишком слабо, а потому главное не отпечаталось. Он унаследовал благие намерения деда, но не его решительность.

Женившись на моей матери, отец получил сад — свою долю семейного имущества. Этому саду он себя и посвятил, заботясь о нем днем и ночью, собирая здесь самые лучшие фрукты и ягоды для моей матери. Жаркими летними ночами он спал под пологом ветвей, одурманенный сладким ароматом зреющих персиков. Часть урожая он обменивал на продукты и помощь по хозяйству и, похоже, радовался, что может распоряжаться своими запасами. Он был доволен и не ждал от судьбы большего.

Судя по обрывкам воспоминаний и рассказам, которые я слышала в детстве, моя мать была красавицей. По плечам ее рассыпались густые локоны цвета черного дерева, а царственный овал лица озарялся теплым взглядом. Мать напевала за работой, всегда носила зеленую подвеску и славилась

¹ Бабушка.

вкуснейшим томатным супом ауш, нежной лапшой, а еще говяжьим фаршем в кисломолочной подливе — ее стряпня отогревала желудки холодными зимами. Судя по тому, как на глаза отца наворачивались слезы в тех редких случаях, когда он говорил о жене, в браке они были счастливы. Я собрала воедино все, что знала о матери, хотя мне и понадобилась на это почти целая жизнь, и убедила себя, что она, скорее всего, простила мне мой грех. Я никогда не видела ее, однако нуждалась в ее любви.

Примерно через год после замужества моя мать родила здорового мальчика. Отец, взглянув на крепкое тельце, дал ему имя Асад, что означает «лев». Дедушка прошептал в едва открывшееся ушко азан, призыв к молитве. Так Асад стал мусульманином. Не думаю, что это на него повлияло. Скорее всего, он, уже тогда сбившийся с пути истинного и глухой к призывам добродетели, не услышал слов бабы-джан.

Создавалось впечатление, что Асад родился с мыслью, будто весь мир принадлежит ему. В конце концов, он ведь был старшим сыном, и семья гордилась им. Он должен был сохранить нашу фамилию, унаследовать землю и заботиться о наших родителях, когда настанет осень их жизни. И, словно зная, какая ответственность его ожидает, он выжимал из матери и отца все, что мог. Моя мать кормила его грудью до истерзанных сосков и полного изнеможения. Отец выбивался из сил, мастера для сына игрушки, думал о том, куда его отдать учиться, и работал все больше и больше, чтобы жена, молодая мать, ни в чем не испытывала недостатка, была здорова и хорошо питалась.

Мать гордилась тем, что подарила мужу сына, к тому же крепыша. Чтобы мальчика не сглазили завистливые родичи и соседи, она вшила голубой камешек в детскую одежду, подаренную невесткой. Амулет должен был отражать назар — сглаз. Этим она не ограничилась. Сглаз проявляется во многих обличьях, и для борьбы с ним мама собрала целый арсенал. Если она замечала, что Асад набирает вес, если гостя хвали-

ла его полные, розовые щечки, мама смотрела на свои ногти, чтобы отвести беду. Она перебивала похвалы, шепотом повторяя «наме-Худа», имя Бога. Назар, словно молния в чистом поле, поражает тех, кому не хватает смирения.

День за днем Асад рос на мамином молоке, его личико округлялось, а ручки и ножки крепили. Через сорок дней после рождения сына мама вздохнула с облегчением: он пережил самый опасный период. Мадар-джан видела, как соседский ребенок через две недели после рождения оцепенел, скрученный судорогой, и трясся так, словно в его тельце вселился демон. Душа младенца отлетела до того, как ему успели дать имя. Впоследствии я узнала, что в кровь ребенка могли занести инфекцию, перерезав пуповину грязным ножом. Как бы там ни было, мы, афганцы, твердо уверены в том, что цыплят нужно считать по прошествии сорока дней.

Наша мадар-джан, как и многие мамы, призвала на помощь силу дикой руты. Она взяла горстку темных семян, которые называются «эспанд», и высыпала их в огонь. И пока семена тлели, потрескивая, а вокруг головы Асада клубился дымок, мама пела:

Этот эспанд злой глаз отвратит.
Шахи Накшбанд¹ благословит.
Глаз пустоты, глаз людей,
Недругов глаз и друзей,
Кто б ни замыслил зло, в этих углях истлей.

Это зороастрийская песня, которая относится к древним, еще доисламским временам, хотя в ее силу верят даже мусульмане. Мой отец был доволен, что жена так заботится о сохранении жизни его потомка. И каким же действенным оказался этот ритуал! Смерть мамы не повлияла на судьбу Асада так, как на мою. Он по-прежнему оставался отцовским первенцем, по-прежнему мог преуспеть в жизни — в основном

¹ Великий таджикский религиозный деятель.

за чужой счет. Его безрассудное поведение причиняло боль окружающим, часто и мне, однако сам Асад всегда выходил сухим из воды. За два коротких года, пока моя мать кормила его, он накопил достаточно сил, чтобы завоевать место под солнцем.

Но в мою одежду мама не успела зашить амулет, не успела прошептать имя Бога, не успела посмотреть на свои ногти, чтобы отвести сглаз, не успела с любовью окурить мою голову эспандовым дымом. Моя жизнь превратилась в череду неудач. Возможно, все дело в том, что моей матери не выпало возможности защитить меня от злого глаза. На мое рождение легла тень маминой смерти, и пока баба-джан мрачно шептал мне в ухо азан, над ее обескровленным телом читали совсем другую молитву. Азан, который я услышала от бабушки, проник в переплетения моей судьбы, напоминая, что нужно верить. Моим спасением было послушание.

Мать похоронили на новом кладбище неподалеку от нашего дома. Я редко бывала на ее могиле, отчасти потому, что никто меня туда не водил, отчасти из-за вечного чувства вины. Я знала, что она там из-за меня, да и люди не упускали возможности напомнить мне об этом.

Отец остался молодым вдовцом с двухлетним сыном и новорожденной дочерью. Моего брата отсутствие матери не тревожило, и он вернулся к своим детским капризам, а я наивно искала мамину грудь. И отец, смирившись, начал присматривать новую мать для своих детей, оставшихся в опустевшем гнезде.

Дедушка торопил его, зная, что неуклюжая мужская забота — не лучшее, что можно дать младенцу. Благодаря своему высокому служебному положению он был знаком со всеми семействами в округе. Знал он и местного земледельца, отца пяти дочерей, старшая из которых как раз была на выданье. Баба-джан был уверен, что семья, обремененная необходимостью обеспечивать пятерых девочек до замужества, примет сватовство его сына благосклонно.

Дедушка пошел в этот дом и, представив своего сына как достойного и надежного человека, пережившего горе раннего